

Цель воспитания - научить наших детей обходиться без нас. (Эрнест Легове)

Обходиться без нас... Как-то грустно это звучит, тем более, что родные дети учителей очень рано учатся обходиться без взрослых. Кажется, наши дети давно знают, как себе развлечь, накормить, уложить. Скорее, в сегодняшнее время взрослыми сложнее обходиться без детей. Каждая встреча моего отца с внуком начинается с вопроса: „Оль, что у меня на телефоне светится?“ Эти взрослые такие растерянные: у банкоматов, электронных касс. Взглядом немой ужас: куда нажать, как писать, откуда вылезет? А дети, кто со смеющимся видом, кто с недовольством, ждут, показывают, подсказывают. Там, где задана выполнена? Они все знают лучше нас? А зачем мы?

Чему такому я могу научить одиннадцатиклассника, который объездил весь мир, зарабатывает на биткоине и выглядит, как суперзвезда с шипящей обложки? Учитель общества - правам, информатики - не попадет в наушину всемирных сетей и мамать зарабатывать, а учитель литературы?

Каждый человек (а учитель тоже человек) взрослеет, мукает, стареет. Мудрит с годами. Хотя не всегда мудрость приходит со старостью, иногда старость приходит одна. Вот у меня, например, именно так: все признаки возрастных изменений налицо (или на лице), а в голове... У молодых в голове ветер, а что в голове у зрелого (пусть будет так) человека? Наверное, шум, как в сердце. Но речь не об этом. Так вот, мудрость ко мне не пришла (пока), но что-то такое на горизонте, едва уловимое, видится и обнадеживает. И еще недавно растерянная, сегодня я понимаю, я могу! Могу спокойно, уверенно, терпеливо говорить о прекрасном, о смысле жизни, о чуде, которое может с тобой не случиться.

Могу! И уже не боюсь воплотить смешной и нелепой со своей вечной любовью, помощью близким, верой

в человека. Потому что не пропагандирую, а живу этим. Море - это прекрасно. Но вечернее небо над полем так же глубоко и бескрайне. И высота. Какая высота и чистота там, в небе. А ты сидишь на траве, глубоко дышишь и радуешься тому, что живешь, что тебе открылось что-то такое новое, что дает тебе силы на долгий путь вперед. Это как перейти на новый уровень.

Однажды мы с десятиклассниками поехали в Белогорье. Экскурсовод, предложивший поездку, в ярких красках рассказывала белоскаль-ный храм, места, где татаро-монголы напали на город, этно-лавки и всё остальное. Мы загорелись. И вот приехали.

Пара лавок с явно детскими работами (с уроков труда), две пельмени, пара луков. Храм в горе - две разноуровневые пельи. За пять минут весь автобус успел пройтись по пещере и выйти на свежий воздух. Дети в недоумении, но тропа ведет вверх. З надежде на чудо поднимаемся выше, идем по маршруту и оказываемся на вершине холма, а там... стена, на которой очень ярко описана крепость, которая здесь БЫЛА. И больше ничего. Экскурсовод показала рукой, где здесь когда-то были стены и укрепления. Но там не осталось НИЧЕГО. И это не передать, когда она оставила нас и ушла. Приехали. Шесть часов в дороге. Деньги за поездку. Выходной день. И вот тут свершилось то чудо, которое случается не с каждым. Дети не стали возмущаться. Они посмотрели вокруг. Мы сидим на холме и представляли себе, как снизу, по бескрайним просторам, таят кочевники, как сверху на них спокойно смотрят сторожевые. Зажигают сигнальные огни и готовятся к бою. А вокруг разнотравье, внизу уходящая вдаль дорога... и небо, которое без всяких метафизических мыслей. И каждый думает о своем. Но все о чём-то хорошем. И глаза у всех улыбаются. Это стало нашей

тоже говорили о храме в скале, об этногородке. И как-то уклончиво отвечали на вопрос, стоит ли туда ехать. Как узнаешь, пора уже ехать туда, где ничего нет? Или человек ещё не готов к этому. Мои оказались готовы. Как-то незаметно, неявно. Они писали стандартные сочинения. Спорили о смысле жизни. Отвергали пофиг, как нечто неадекватное. Удивлялись, почему Маманья - голова бурная Лескова на одной ноге в крошечной избушке поцелует, чтобы уступить место страннику. Не понимали. А вот почему я была такая озабоченная там, на холме, где ничего нет, понимали. Поняли, что в этом мире нет пустоты. Пустоты может быть в душе, в сердце, когда они наглухо закрыты, и из них откачан воздух. И страшно подумать, что кто-то мечтает отсалить из детей всё, чтобы дать им потом свободу налаживать себе там, чем они хотят. Свёе еам, дорогой: выбери себе дорогу, реши, какими ты будешь, пиши свои правила, верь в то, во что ты хочешь верить, будь собой! Каими собой? Он гист, етершмен, пуст!

Те десятиклассники все поступили, уже заканчивают, работают, женятся. Когда они приходят, а они приходят часто, я вижу те же умбаноющиеся глазки и знаю, они справятся, они всё помнят и в нужный момент сделают правильный выбор.

Я учитель. И моя задача - помочь ребенку встать на ноги. Вот тогда я могу сказать: "Я постаралась сделать так, чтобы ты в изменчивом мире видишь маяки и сторожевые огни. Понимал, куда идешь. Менял себя, если того требует время, но не изменял себе".

А как же Лесова? Он правильные вещи говорит. Всегда надо думать о будущем. Речь не об образовании. О воспитании. Это есть, какие бы мы ни заложили знания в баланс ученика, надо, в первую очередь, проверить етершеник. Есть он в иловке или нет.

Возможно бы, всё сделано для того, чтобы каждый час, каждая минута были заметны. Мой провинциальный городок

Стр № 3 тому подтверждение. Музыкальная школа, спор-

тивная, стадион, УдТ, Юные туристы. А классные часы, которые мы проводим, кажется, ежесекундно, охватывают всю историю человечества. Да, мы их все проводим и свои, эксклюзивные, и масштабные, настоятельно рекомендуемые сверху разными ведомствами. Все делаем, чтоб не волновались там, наверху. Люди же переживают, стараются. Но я не уверена, что своих нынешних детей я могу отпустить свободно. Потому что у нас с ними ещё не было неба. Много всего было победы и поражения в конкурсах, вечера и просмотры фильмов. И походы однодневные были. Но я чувствую: они другие (поколение Z). Им нужно звездное небо. Чтобы в тишине, в темноте, устремить взгляд туда, в неизвестное, понять и принять себя. Такого у нас пока не было. От поездок мы давно отказались, потому что, сами понимаете, мы не Москва, у нас опасно... В поход с моей-то нас тоже не пускают, волнуются. МЧС, лесники, директор, родители. Там зима, канивы, огонь, ветер, евозняк. Пятнадцать лет назад мы со старшими отрядами в летнем центре уходили в трёхдневные походы. Потом разрешали только с одной моей-то, потом поближе к лагерю, потом палатки на территории. А теперь дети на поляну в лес не рискуют входить. Вдруг что-нибудь случится. Все же вокруг переживают. Волнуются. Вот только о детях мы? А чтобы дети могли обходиться без нас, с ними должно что-то случаться, пока мы рядом. Чтоб поддержали, помогли, подсказали. И речь не только о поведении в лесу. Когда я могу оставить ребёнка одного? Когда я знаю, что он справится. Мне для этого надо увидеть ребёнка вне школы. Ведь жизнь-то ему предстоит вне. Мне этого не хватает. А, оны, родители тоже пусть будут рядом. Я не претендую на роль путешественника. Я рядом, с краешку, но сами надо, я рядом, я помогу.

Стр № 4 Мои девятиклассники еще не готовы.

Они научились быстро искать ответ, вести себе
удобно. Они не протестуют, не наговариваются, не
бегут вперед. Они идут. Чего? Мне кажется, звёзд-
ного неба. И оно у нас обязательно будет. Ведь почти все они
идут в десятый. Я рядом. И пусть директор ещё немножко
повальнется, в нас с ноёвкой мы всё-таки ходим. Я хочу
увидеть их шага и понять, что уже можно...
им обойтись без нас.

